

Лидия Алексеевна Чарская

Генеральская дочка

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Лидия Алексеевна Чарская

Генеральская дочка / Лидия Алексеевна Чарская – М.: Книга по Требованию, 2011. – 72 с.

ISBN 978-5-458-04296-3

Причудливые, полные интриг приключения героев повестей Чарской переплетаются с их высокими, благородными чувствами и поступками. В том мире, который создала Лидия Чарская, негодьям и мерзавцам не удастся взять верх над светлыми, честными, чистыми душами. Ее герои такие, какими в главном наверняка хотелось бы стать и тебе: чтобы, несмотря на препятствия, все удавалось, чтобы тебя любили хорошие люди, а твоя душа отзывалась на эту любовь, бескорыстно и преданно.

ISBN 978-5-458-04296-3

© Издание на русском языке, оформление, « YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, « Книга по Требованию», 2011

Лидия Чарская
Генеральская дочка

Повесть для юношества

Глава первая

— Да, положение не из приятных, — произнес высокий седой военный в генеральской форме. — Что ты скажешь на это, Мари?

Та, которую звали Мари, худенькая, маленькая, болезненного вида женщина, подняла усталые глаза на мужа и улыбнулась доброй улыбкой.

— Конечно, если бы Мурочка не была так непосредственна... — тихо прозвучал голос маленькой генеральши, и она отложила в сторону газету, которую читала.

— Ты называешь это непосредственностью? Гм?! — И генерал Раевский неожиданно весело расхохотался. — Дорогая Мари, я всегда говорил, что ты была слишком снисходительна к девочке, — продолжал он через минуту. — Постоянно спуская Муре все ее маленькие погрешности и недочеты, ты сделала только то, что к шестнадцати годам из нее вышла не благовоспитанная, корректная барышня, а какой-то отчаянный сорвиголова-мальчишка. Ведь ни на один день ее нельзя оставить одну. И что за неприятное положение у нас теперь создается благодаря невыдержанности этой девочки! Мне необходимо ехать в Карлсбад лечить мои большие почки, тебе — в Биарриц восстанавливать издерганную за время твоей неутомимой благотворительной деятельности нервную систему, а девочку положительно не с кем оставить здесь. Взять же ее с собою значило бы подвергнуть себя утроенным расходам, а ты сама знаешь, что, живя на одно мое жалование и не имея свободных средств, мы не можем позволять себе тратить много денег. Да и, кроме того, что же это будет за лечение, если нам придется постоянно думать о том, чтобы наша проказница не свернула себе шею в то время, пока мы будем брать ванны или отдыхать после массажа. Ох уж эти мне баловницы маменьки! Балуют детей напрапалую, а потом и сами не знают, что делать с ними.

Бледное худенькое лицо Марии Павловны тонко улыбнулось в ответ на тираду мужа.

«Не сам ли он, этот, так бурно возмущающийся сейчас Мурочкиными шалостями и ее чрезмерной живостью, Леонид Федорович души не чает в своей дочурке и, уж во всяком случае, не менее ее, матери, вносит дань отеческого баловства и огромную дозу снисходительности по отношению к шалунье. Ведь не было еще случая, чтобы генерал запретил что-либо своей Мурочке. Неоспоримым деспотом росла девочка в семье. Хорошо еще, что сама по себе на-

тура Мурочки являлась в высшей степени благородной и честной и девочка обладала к тому же добрым сердцем, а то бог ведает, что могло бы выйти из нее!»

На этой мысли генеральша Раевская снова взялась за прерванное чтение газеты.

Вдруг глаза ее приковались к огромным буквам объявления, напечатанного на самом видном месте. Такого странного объявления Мария Павловна еще не встречала за всю свою долгую сорокапятiletнюю жизнь. «**Пансион хорошего тона исключительно для девиц благородного происхождения**» — гласили напечатанные жирным шрифтом строки. «В семинедельный срок за весьма умеренное вознаграждение обучаю молодых девиц хорошему тону и светским манерам под руководством опытной наставницы. Принимаю воспитанниц на полный пансион. Прекрасный здоровый домашний стол. Постоянное наблюдение наставниц. Местоположение крайне благоприятное для здоровья. Дачный чистый воздух. Сосны. Пески. Море. Граница Финляндии. По Приморской дороге. Станция Дюны. Обращаться за справками лично к директрисе пансиона *т-ме Sept*».

По мере того как глаза маленькой генеральши пробежали эти строки, легкий румянец разлился по ее бледным щекам, а губы сложились в довольную улыбку.

— Вот, прочти, — сказала она, протягивая газету мужу.

Леонид Федорович так же быстро пробежал строки объявления и поднял на жену удивленный взгляд.

— Насколько я тебя понял, Мари, ты хочешь на время нашего отъезда поместить в этот удивительный пансион нашу Мурочку?

— А почему бы и нет? Ты, разумеется, должен будешь съездить туда сам и предварительно узнать, насколько может быть уместно пребывание там нашей дочери. Конечно, было бы лучше устроить Муру у кого-нибудь из родных, но в данном случае мы с тобой несчастливые люди; у нас не осталось в живых никого из близких родственников, а с нашими дальними кузенами и кузинами мы, в сущности, так мало знакомы, что было бы несколько рискованно отягощать их заботами о девочке, уже одно присутствие которой в доме ведет за собой некоторое беспокойство. Пансион же в таких случаях незаменим. Он не несет с собой никаких других обязательств, кроме денежных, и я, в сущности, рада, что это объявление попало мне на глаза.

— Ты права, дорогая Мария, — поспешил согласиться с женой генерал Раевский, — но я все-таки не могу представить себе нашу

девочку в чужой, новой для нее обстановке, одну среди незнакомых людей! — И при этих словах лицо Леонида Федоровича приняло озабоченное выражение.

Мария Павловна улыбнулась.

— Ты забываешь, мой друг, — сказала она, — что этой девочке пошел уже семнадцатый год и что она окончила гимназию. Стало быть, надо смотреть на нее как на взрослую...

— Но не как на благоразумную взрослую, во всяком случае? — усмехнулся генерал.

— ...Не как на благоразумную, согласна, — подтвердила его жена, — и, имея в виду именно это обстоятельство, я и подумала о том, что хорошо было бы отправить в пансион вместе с нашей Мурочкой и Досю. Во-первых, этим мы не разлучим двух неразлучных подруг, а во-вторых, Досинога благоразумия на двоих хватит, не правда ли?

— Блестящая идея, что и говорить. И чем скорее мы осуществим ее, хотя бы пока только в проекте, тем лучше, — совсем уже весело произнес генерал и, подойдя к звонку, нажал электрическую кнопку.

— Пригласи сюда обеих барышень, Спиридонов, — сказал он вытянувшемуся перед ним денщику.

— Слушаю, ваше высокопревосходительство! — отрапортовал тот и так же быстро исчез, как и появился, словно проваливаясь под землю.

С минуту в гостиной царила полная тишина. Затем послышались торопливые шаги за дверью. Громкое постукивание каблучками, звонкий девичий хохот и неистово-радостный собачий лай...

Глава вторая

Дверь в гостиную распахнулась настежь. Из-за тяжелой портьеры вынырнули два рыжих сеттера и белый пушистый шпиц. С тем же оглушительным лаем ринулись они со всех ног к своим хозяевам, а следом за собаками появилось небольшого роста растрепанное юное существо со смуглым неправильным личиком, крупным носом и припухлыми губками. Неправильность этого некрасивого личика вполне, однако, искупали веселые, сияющие жизнью и задором серые глаза да сверкающие в улыбке, ослепительно белые зубы.

С косым пробором в густых, черных, всегда растрепанных волосах, с задорной усмешкой и смелым выражением в шаловливом личике. Мура Раевская действительно походила скорее на разбитного проказника-мальчугана, нежели на взрослую, закончившую курс учения барышню.

Широкая синяя мужская матроска (девушка не признавала никаких корсетов, говоря, что они только стесняют ее движения) с белым воротником довершала это сходство.

— Вот и мы. Дорогим родителям почтение и привет! Бард, Леди! Тубо! Назад! Пушок! Ах, несносные собаки, они испортият моей крошке мамусеньке ее плюшевый капот, — веселым, громким голосом кричала Мура, умудряясь одновременно и целовать щеки матери, и пожимать руку отца, и энергичными движениями свободной руки отталкивать лънувших к хозяевам собак, слишком уж неистово выражавших свой восторг. С минуты появления этой смуглой, веселой, жизнерадостной девушки, казалось, сразу ожили строгие стены чопорной гостиной, точно сама фея юности выпорхнула из-за тяжелой портьеры, наполнив комнату смехом и радостью, заставив раздвинуться в улыбку губы старика-отца и заметно помолодеть увядшим чертам матери.

— Ну, птички мои, зачем вы звали меня? — беспечно смеясь, спрашивала Мура.

— Кто это птички? Мы-то? Нечего сказать, хороша стрекоза! — притворно сердито хмурясь, произнес генерал. — Следовало бы вам несколько почтительнее относиться к вашим престарелым родителям, сударыня, — начал было Леонид Федорович недовольным голосом и тут же оборвал свою речь на полупhrазе. С быстротой вихря кинулась Мура на шею отцу.

— Паписька мой седенький, паписька мой славненький, любименький, пригоженький, хорошенький мой! — залепетала она. —

Пожалуйста, не вздумай только читать мне нотации нынче. Пожалей свою Мурку. Посмотри, как славно светит солнышко, как сияет голубое небо и какое весеннее настроение у твоей дочурки. Право же, грешно портить его. — И говоря это, Мура со смехом покрывала поцелуями глаза, щеки, лоб и губы отца.

— Да полно тебе, Мурочка, — вмешалась, наконец, Марья Павловна, — дай хоть слово сказать. Садись и слушай, нам нужно переговорить с тобой о серьезном деле. Мы с отцом решили на время нашей заграничной поездки поместить тебя в пансион. Вот в этот самый пансион, прочти о нем объявление. — И маленькая генеральша протянула газету дочери.

Смех Мурочки оборвался сразу. Смуглое лицо вытянулось.

— Ага, пансион! Значит, дело принимает наисерьезнейший оборот, как видно, — протянула она комическим тоном и с видом вполне благовоспитанной барышни, сложив ручки на коленях, уселась в кресло, положив газету перед собой на столе. — Дося! Дося! — крикнула через минуту Мура появившейся на пороге гостиной белокурой девушке с рыжеватым отливом волос и ослепительно белой кожей блондинки. Все существо этой девушки дышало врожденной грацией и изяществом. А между тем девушка эта была сиротой умершего пятнадцать лет назад простого солдата и поденщицы прачки. В документах рыженькой Доси значилось: «дочь отставного ефрейтора N-ского пехотного полка Евдокия Петрова Кирилова».

Лет двадцать тому назад, когда генерал Раевский был еще в чине капитана, полк, где служил Леонид Федорович, стоял в глухих дебрях Кавказа. Солдат Петр Кирилов взят был капитаном в денщики. Вместе со своим офицером начальником Кирилов часто совершал экскурсии в горы. В одну из таких прогулок несколько человек горных разбойников напали на Раевского, и — не подоспей к нему на помощь его верный денщик — лежать бы капитану Раевскому с воткнутым в сердце разбойничьим кинжалом на дне одной из бесчисленных дагестанских пропастей. Но Петр Кирилов, закрыв своей фигурой начальника, принял на себя удар, предназначенный ему, и этим спас жизнь Раевскому. Леонид Федорович никогда и впоследствии не забывал этой услуги. Он оставил у себя в доме раненого солдата, и с этого самого дня офицер и денщик стали неразлучны. После отслуженного им по солдатскому положению срока Петр продолжал службу у Раевского. Вскоре оба женились, почти одновременно. В обоих семьях родилось по маленькой девочке. Свирепствовавшая одно время на юге России холера унесла в

